

Ода

«Ода» в переводе с греческого означает «песнь». Ее истоки — хоровая лирика древних греков. Создавались торжественные оды, славившие великое событие или великого героя; анакреонтические — по имени древнегреческого поэта Анакреонта, воспевавшего радости и наслаждения земного бытия; духовные — «преложения» псалмов (духовных песнопений). В конце XVIII века появились оды нравоучительные, философские, сатирические, оды-послания и оды-элегии. Но главное место среди всех видов оды занимают торжественные.

В XVII–XVIII веках, в период утверждения в европейских странах абсолютных монархий, сложились и теоретически оформились художественные принципы оды. Создателями ее непревзойденных образцов были признаны греческий поэт Пиндар (конец VI — первая половина V в. до н. э.) и римский поэт Гораций (I в. до н. э.).

Особая судьба у торжественной оды в России. Ее поэтика связана с отечественной традицией панегириков (похвальных речей), а также с традициями античной и западноевропейской оды. Торжественная ода стала первенствующим жанром в России XVIII века, что связано с личностью Петра I и его реформами. «Несравненных дел Петра Великого человеческой силе превысить невозможно», — писал в одной из од Ломоносов. Торжественные оды посвящались Елизавете и Екатерине II, в которых современники хотели видеть достойных последовательниц великого царя. Передовые, прогрессивно мыслящие люди XVIII века мечтали о скорейшем культурном самоутверждении России в Европе, «...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать» — так сказал об этом в одной из од Ломоносов. И ода, патетически комментируя успехи наук, военные победы, как бы опережая историю, вещала о совершаемых на глазах торжествах «российских Европий», как тогда говорили.

Торжественная ода в России XVIII века — это не только литературный текст, не только слово, но действие, особый обряд. Она подобна фейерверку или иллюминации, которыми сопровождалась в Петербурге торжественные события в жизни государства. На иллюминационных щитах создавались красочные аллегорические картины: «У фундамента пирамиды сидит Россия, держащая рог изобилия; при ней лежат разных наук и художеств инструменты». Сравним с тем, что говорится в одной из од Ломоносова:

— Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца, не зрит своей державы;
Гремящей насыщена славы,
Покоится среди лугов...
Сидит и ноги простирает...
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегши локтем на Кавказ.

«Важная материя» (тема) требовала особой образности и стилистики: «громкого» великолепия и «быстроты» («Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает», — писал Сумароков), за счет которых аллегорические картины в торжественной оде сочетались бы не плавно и последовательно, но «в лирическом беспорядке». В хорошей оде отсутствие точных смысловых связей не создавало бессмыслицы и не нарушало главного — единства впечатления от патетической, ораторской речи. Автору оды важно было создать восторженно-торжественное умонастроение у слушателя не отдельными строфами, а всей одой. Поэтому возникало с виду хаотическое и неупорядоченное совмещение контрастных понятий, «далековатых идей», подлежащего и сказуемого, сопрягаемых, по словам Ломоносова, «некоторым странным или чрезыестественным образом». Такие сочетания со-

ставляют «нечто высокое и приятное», что не может быть переведено на обыденный язык или объяснено в понятиях житейской логики.

Торжественные оды писали Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, коренным образом переработавший этот жанр. Но классическими стали оды Ломоносова, на которые ориентировались в дальнейшем русские поэты. В его одах совмещаются пространства («великий град Петра / В едину стогну уместился»), времена года («Не токмо нежная весна, / Но осень тамо юность года»), конкретные зримые явления с абстрактными понятиями: вокруг тишины «цветы пестреют» и колосья «на полях желтеют». Науки у Ломоносова «простирали руки», «холмы скачут», «озера ликуют». Он пишет о том, что было на самом деле: о действительных событиях культурной и научной жизни страны, о военных сражениях, вспоминает исторические факты прошлого России (почти в каждой оде вспоминает о Петре I), формулирует собственные политические взгляды. Но делается все это особым языком, риторически «шифрующим» реальные факты в аллегорических картинах, которые должны возбуждать чувства торжественного «веселья», радости перед «изрядством мира», счастья своей принадлежности чудесному государству — России, восставшей из «мрака» к «свету». «Восторг ума» перед «чудом» мира («восторг внезапный ум пленил»; «восторг все чувства восхищает» и т. д.) рождает «радость» и «веселье». «Пусть глас веселый раздается», «мысль в веселье утопает», — восклицает поэт. В голосе поэта начинает звучать голос огромного, единого в своем чувстве хора: вся «Россия восхищенна / В веселии своем гласит».

«Невиданность» века порождает новое видение мира в торжественных одах XVIII века. Ломоносова занимает не быт, а бытие человечества, и мир он видит как некое грандиозное пространство, озираемое с некой абсолютной высоты. Восторг возводит поэта «на верх горы высокой», «на верх Парнасских гор прекрасный», «на верх Олимпа». Муза Ломоносова взлетает «превыше молний», «выше облак», созерцает мир, «взнесенна к верху мира». И раскрываются перед взором поэта географические громады «от Иберов до вод Курильских, от вечных льдов до токов Нильских». Оды Ломоносова обыкновенно и начинаются с восхождения на «верх мира». Именно с такой абсолютной вершины видно поэту происходящее «на земли». Недаром и современники и потомки говорили о «парении» ломоносовского гения.

Поэт является творцом, словом создающим особый мир, где нет места обыденным предметам и словам. Сознание такой своей миссии дает поэту право вмешиваться в государственные дела, говорить «языком богов» о насущных политических и культурных проблемах. Так, в 1747 году, когда Россия была на пороге войны, Ломоносов пишет знаменитую оду. В ней он славит мир между народами и «тишину», пророчествует о появлении в российской земле «собственных Платонов» (та же идея международной «тишины» выражена в одах, написанных в разгар Семилетней войны).

И недаром в конце XVIII — начале XIX века, когда во всей Европе начинается революционное брожение, торжественная ода становится жанром революционным. «Хочу воспеть Свободу миру, / На тронах поразить порок», — восклицал Пушкин в оде «Вольность» (1817), написанной вслед оде «Вольность» (ок. 1783) Радищева. Это новое содержание торжественной оды как нельзя более соответствовало политическим задачам декабристов, и недаром именно они стремились возродить оду как жанр, воплощающий, по выражению Рылеева, «идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин».